

Земля предков

Её боронили за взрывом и плугом,
В неё хоронили, чтоб сделалась пухом.
В ней вслед за металлом хозяйничал ворон,
Когда не хватало ни силы, ни борон.
Удел её грозен, простор её тесен,
В ней даже берёзам тоскливо без песен.
Траве её в Ницце и где-нибудь в Праге
Всегда будут сниться поля да овраги.
То дубом стоишь, то склоняешься ивою,
Страна моя нежная и молчаливая.
Всё есть у тебя, от Чукотки до Сочи,
Забот не хватает сыновних.
И очень.
Умеешь сворачивать хищникам шеи,
А собственных крыс почему-то жалеешь.
Всем, роющим норы, и бесу, и вору
Лишь машешь рукою:
— Хватает простора!..

В наших дальних краях

В наших дальних краях
На крутых перепадах предзимья
Ветер Арктики южным
Слоистым туманом пророс.
Тёмно-серый платок
И платок ослепительно-синий
То и дело меняют
Безлистые кроны берёз.
Город весь в напряженье,
В раздёрганных жестах и звуках
В ожиданье зимы
Межсезонные правит труды.
Лакированный дождиком
Чёрный провал виадук
Пожирает машины
С гудением судной трубы.
Но бесстрашной травы
Проступают зелёные пятна
Через иней и сор,
Сквозь дыханье декабрьских угроз.
Непривычный ноябрь—
На багровой ухмылке закатной
Пламенеет Венера,
Звезда милосердия и гроз.

К вопросу о происхождении Руси

«Придите к нам и нами владейте»,—
Легенде этой верю как себе.
Мы— дети Солнца,
Да, всё те же дети,
Доверенные ветру и судьбе.
Владели нами викинги и немцы,
Татары и грузины... всех не честь.
Но коль пришёл—
Попробуй с нами спеться,
Отведать лаптем наших скифских щей.
А нет— катись, как некогда Отрепьев,
Мортирным прахом в снежный наш простор.
То триколор, то флаг багряный треплет
Московский Кремль, то снова триколор.
Ни с чёрным не согласны мы, ни с белым...
Кромсает век измученную плоть.
Дано ему командовать над телом,
Но у души хозяин лишь Господь.
Таинственный, весёлый, непонятный,
Меняющий порядок дня и тьмы.
Известно, что живут на Солнце пятна.
Вот именно.
И пятна эти— мы.

Я плыл на стрежень,
Но меня сносило,
Я плыл, как рыба, против быстрины.
Когда же мне отказывали силы,
Я чувствовал плечо
Своей страны.
Могучей, несуразной и жестокой,
И нежной, и возлюбленной до слёз,
Страны всеокрушающих потоков,
Дубовых плах
И ласковых берёз.
В конце концов я выбрался на берег,
Хоть отовсюду слышал:
— Быть беде!
Мне говорят,
Что я в кого-то верю.
Я верю в тех,
Кто всё ещё в воде.

Письмо из тверской глубинки

Над просторами шиферных крыш
Кольца дыма, как ангелы, тают.
Самолёты отсюда в Париж,
А тем более в Тверь, не летают.
Словом, царство зелёной тоски,
По понятиям нынешним нашим.
И всего двести вёрст от Москвы
Чудо-город по имени Кашин.
Чем чудесен? Петлёю реки,
В виде сердца закрученной странно.
Жизнью предков смертям вопреки,
Благоверной княгиней Анной,
Мудро правившей в этих местах
Среди вечных российских раздоров...
Весь в сугробах и в древних крестах.
Вот такой удивительный город.
Поседевший до самых бровей,
Словно кисти Васильева мистик,
Прячет лик среди хвойных ветвей...
А ещё здесь заносы не чистят.
Город как из былины упал
Одна тысяча двести...
Не стану
Углубляться в былые туманы,
Сообщу, что с тоски не пропал.
По колено плутаю в снегу,
Размышляю, что город мне ближе
И Твери, и Москвы, и Парижа.
Почему?
Объяснить не могу.

Белуха

Когда расстанусь с плотной оболочкой,
Когда в бесплотный устремлюсь полёт
В бездонно-фиолетовый, полночный,
Луной посеребрённый небосвод,
Налюбовавшись звёздными мирами,
Я возвращусь однажды на заре,
Как блудный сын в новозаветной драме,
К тебе, всё утоляющей горе.
Берели Белой светлая излука,
Кокколя Малого немолчный звон и зов.
Белуха, несравненная Белуха,
Ты для меня — как первая любовь.
В душе моей впечатаны навеки
Снегов твоих целительный простор,
Лазурные улыбки аквилегий,
Зелёный мрамор кедров и озёр.
Я знаю, что и ты, как я, не вечна,
Когда-нибудь твои растают льды,
От всех твоих нарядов подвенечных
Останутся лишь светлые мечты.
Но никакой зигзаг судьбы случайный
Не разлучит нас с очагом Отца.
Живёт в нас ослепительная тайна,
Которой нет и не было конца.

Магадан

Пустынный порт закатной дышит грустью,
Внизу маяча, словно миражи,
Морскую на отливном дне капусту
Вылавливают местные бомжи.
Какой-то тип, на вид из конокрадов,
Навязывает пламенно купить
Пластмассовый мешок варёных крабов.
Торговая, как всюду, жизнь кипит.
Ей хочется забыть, что здесь кипела
Иная, пересыльная страда.
Не знавшая о ней, в ту пору пела
И радовалась юная страна.
Её герои покоряли полюс,
В пустынях возводили города...
На всех парах в коммуны мчался поезд,
Как выяснилось нынче — в никуда.
Так заявляют новые пророки,
Зовущие нас к рыночной мечте.
Но никому не ведомы дороги
Распятой, как и прежде, на кресте
Страны моей. Одно лишь солнце знает,
Зачем оно меняет день и ночь.
Колымская, холодная, родная
Земля, в груди засевавшая, как нож...

Великое Число

Москва, Москва, не торопись прощаться
С отвергнутыми числами войны.
Ты вспомни, как шагали по брусчатке
Седьмого ноября твои сыны.
В те месяцы разгромной нашей смуты,
В те дни почти безвыходной тоски,
Воистину, в те страшные минуты
Мир, как дитя, припал к ногам Москвы.
О, как дышал над нивами, над рощами,
Над самым нашим ухом жаркий ад!
А ты, Москва, вела по Красной площади
Парадным строем молодых солдат.
Они надежду нам несли на лицах,
Печать ухода к ангелам в очах...
Не забывай, российская столица,
Свой самый грозный,
Самый звёздный час.
Когда сегодня маленькие черти,
Как тина, вяжут властное весло,
Не дай, Москва, в угоду буйной черни
Топтать твоё Великое Число.
Все остальные числа не пороча,
Держись за это, мужеством горя.
Мы дьяволу сломали позвоночник
Уже тогда, Седьмого ноября.

● ● ●
В преддверии Великого Числа,
что жизнь и честь России сохранило,
хочу понять, какая чудо-сила
через кошмар военный пронесла.
Отец Небесный и земной с усами?
Георгий Жуков? Челюсти зимы?
А может, прав сказавший, что мы сами
спасли всё это, маленькие мы?
Не нужно нам бояться громких фраз—
нет ничего загадочнее нас.

Покаяние

Хорошего воина пули кусают,
Как правило, насмерть в житейскую рань.
Француз говорил: если тридцать гусару
И жив— значит, он несомненная дрянь.
И Пушкин, и Байрон, и Блок, и Есенин
Давно в моём возрасте стали травой.
Прости меня, муза, за годы везенья,
За то, что пишу, и за то, что живой.

● ● ●
В деревянном старом доме
Мы ночуем на соломе.
В этом доме домовые
До утра в сенах стучат.
Что-то очень дорогое
И родное сердце ловит
Друг у друга в потонувших
В чёрном омуте очах.
Не спугнуть бы только словом,
Даже вздохом, даже думой
Из глубин души поднявшееся
Чистое тепло.
Много лет назад за Волгой
Или, может быть, под Тулой
Пролилось оно на сердце
И на дно его легло.
Мы его похоронили,
Нам казалось, и надолго
Заросло оно рубцами,
Да, видать, не до конца.
И теперь опять под Тулой
Или, может быть, за Волгой
Всколыхнула души память,
Растрожила сердца.
Нам бы утром да при солнце
Улыбнуться бы друг другу
И запомнить, и запомнить
Полуночные глаза.
До свидания, деревня,
До свиданья, пятый угол,
Там, где теплится лампада
И темнеют образа.

Раздумья двуглавого орла

В перинах возлежит обрюзгший Запад,
Восток же пробуждается от сна.
Царапает уже тигриной лапой
Китай американского слона.
А что же мы?
Мы по привычке медлим,
Ждём грома, чтобы лоб перекрестить.
Свои копыта поднял Всадник Медный,
Не зная, где и как их опустить.
По-прежнему бредёт вслепую росс,
Орёл двуглавый мучится вопросом:
Рвануться ли вдогонку за даосом
Или засунуть головы в Давос?

● ● ●
*Мне Брамса сыграют,—
Я вздрогну, я сдамся.*

Б. Пастернак

Везде настигают гремучие ритмы,
Душа отвыкает от тихой молитвы.
Рекламы гремит оглушительный гром.
Зачем мы родились? Куда мы идём?
Возможно, затем, чтобы сесть в этом зале,
Куда меня с Брамсом на встречу позвали,
Где тихо Чайковский вздыхает во сне,
Где вздохи его отдаются во мне.

● ● ●
Поэт, да пребудет с тобою отвага
и волны любить и ложиться на дно.
Душа хороша, если бродит, как брага,
стихи же, когда полежат,—
как вино.

И вновь весна

Ледовые рвутся заторы
На реках Сибири. Бабах!
Повторы, повторы, повторы
Вокруг и на наших губах.
За зимами следуют вёсны,
За солнцем и вёдром— дожди,
За буйством течения— вёсла,
За пляской свободы— вожди.
Я, многим повторам ровесник,
Теперь повторяю одно:
— Приди, наконец, равновесье!—
И знаю: не слышит оно.
Но всё же молитву на страсти,
Как свечку, поставив в душе,
Предчувствую: в русском пространстве
Меняется что-то у же.

● ● ●
Ах, власть советская, твой час
Был ненадолго вписан в святцы.
Ты гнула и ломала нас,
Пришёл и твой черед сломаться.
Бывало, на тебя ворчал,
Но не носил в кармане кукиш.
И поздно вышел на причал,
Что никакой ценой не купишь.
Когда сегодня Страшный суд
Свои вердикты совершает,
А телевизионный шут
На торг всеобщий приглашает,
Я поминаю дух и прах
Отцов, которые без хлеба,
Отринув всякий Божий страх,
Как боги, штурмовали небо.
Не убивал и не убью,
Не принесу свидетельств ложных,
Но их по-прежнему люблю,
По-детски веривших, что можно
Через кровавые моря
Приплыть к земле без зла, без фальши.
Смешная, страшная моя,
Страна-ребёнок, что же дальше?

Современному стихотворцу

Ты, Есенин, сегодня попей-ка,
Побуянь... Нынче все мы тихи.
Воду пью и пою канарейкой—
Перестали платить за стихи.
Сколько бедной коровой комолой
Мне пощипывать дачный пырей,
Не ответят вожди комсомола.
Ни венков, ни рублей, ни вождей...
Мы с вождями веками не ладим
И не можем без них никуда...
Тучку белую ласково гладит
Приютившая небо вода.
Наслаждаясь закатным покоем,
На цветник опускается взгляд.
Оглушающе пахнут левкой,
Словно свечи, шафраны горят.
И какое-то странное чувство
Проливается в душу мою—
Будто скоро придётся очнуться
Исстрадавшимся людям... в раю.
На земле нашей нежной и новой
В час, когда после долгих тревог
Через нас несказанное Слово
Миру вымолвит любящий Бог.